Время сказок

Автор:
Татьяна Корсакова

Время сказок

Татьяна Владимировна Корсакова

«…Походы к психотерапевту больше не помогали. Наоборот, Алисе начало казаться, что после того, как она вставала с удобной, обтянутой дорогой кожей кушетки и выходила из врачебного кабинета, становилось только хуже.

И таблетки тоже не помогали. То есть помогали поначалу, первые пару месяцев. У Алисы даже получалось заснуть и проснуться без кошмаров. Или кошмары эти были такими глубокими и запрятанными так далеко в глубинах подсознания, что просто не успевали за ночь выбраться наружу? Она давно приучила себя спать мало, урывками, а просыпаться при первом же тревожном звоночке. Вскидывалась в холодном поту, с трепыхающимся в горле сердцем, с придушенным еще во сне криком. Она научилась выживать…»

Татьяна Корсакова

Время сказок

© Корсакова Т., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Походы к психотерапевту больше не помогали. Наоборот, Алисе начало казаться, что после того, как она вставала с удобной, обтянутой дорогой кожей кушетки и выходила из врачебного кабинета, становилось только хуже.

И таблетки тоже не помогали. То есть помогали поначалу, первые пару месяцев. У Алисы даже получалось заснуть и проснуться без кошмаров. Или кошмары эти были такими глубокими и запрятанными так далеко в глубинах подсознания, что просто не успевали за ночь выбраться наружу? Она давно приучила себя спать мало, урывками, а просыпаться при первом же тревожном звоночке. Вскидывалась в холодном поту, с трепыхающимся в горле сердцем, с придушенным еще во сне криком. Она научилась выживать.

Мастерство свое она отточила до филигранной точности и в дебрях снов ориентировалась едва ли не лучше, чем в реальном мире. Впрочем, в реальном мире выживать она тоже научилась. Кто бы поверил, что вчерашняя детдомовская девчонка – бестолочь, трава придорожная! – не останется при дороге, пыльная и притоптанная чужими равнодушными башмаками, а рванет вверх, к солнцу и лучшей жизни!

А она рванула! Буром перла к своей цели, стиснув зубы, сжав кулаки, орудуя локтями, если те, что были впереди, не желали расступаться. И не потому, что детдомовская и наглая без меры, а потому, что нечего ей было больше бояться. Не было в ее жизни ничего такого, что могло бы остановить, затянуть назад, в прошлое.

Как выживала, как боролась за положенную по закону однушку, как обивала пороги высоких кабинетов, Алиса почти сразу же забыла. Зачем помнить такие мелочи? Зато она запомнила, как въезжала в свою собственную квартиру. Помнила голые стены, немытые окна, застоявшийся воздух и гулкое эхо под потолком. Первым делом она распахнула окна, впустила внутрь ветер. В качестве подарка на новоселье ветер принес ей рыжий кленовый лист, галантно положил на подоконник, рядом со старинной книгой, еще одним подарком, с которым и хотелось, и не было сил расстаться.

Вторым делом Алиса сварила себе кофе, настоящий, молотый, непростительно дорогой и невероятно вкусный, купленный на последние деньги специально к новоселью. Это был ритуал, сродни шаманскому. Он наполнил квартиру удивительным ароматом, приручил ее окончательно и бесповоротно. А еще он призвал Макса.

Дверь открылась без стука, почти беззвучно, и Алиса замерла, сжала в руке чайную ложку. Ложка могла стать оружием, если ударить в правильное место и с правильной силой. Уж она постарается, коль проявила такую непростительную безалаберность и не заперлась на ключ!

Угроза была нестрашной. Не угроза даже, а так… недоразумение. Высокое, худое, патлатое, в драных джинсах и вытянутой майке.

– Привет! – сказало недоразумение и потянуло носом. – Вкусно пахнет. Угостишь соседа кофе? Кстати, я Макс.

Сосед, значит. Можно было догадаться. Вот хотя бы по тапкам.

– Нет, кстати Макс, не угощу. – Ей не нужно было быть милой и вежливой с незнакомцами. И кофе ей было жалко.

Другой бы ушел, а этот все равно остался, взъерошил и без того лохматые волосы, сказал:

– Я вижу, у тебя тут все по-спартански. – Отвечать Алиса не стала, но ложку отложила. – Мебели, смотрю, нет, и не предвидится.

Откуда он знал про мебель, которой не предвидится? Стало обидно, самую малость. Будет у нее мебель, дайте срок!

– Предлагаю бартер. – Волосы ерошить он перестал, зато почесал тощее пузо. Ужас!

Про бартер стоило выслушать, здравый смысл и деловая жилка выручали Алису не раз.

– Ну? – сказала она и скрестила руки на груди, чтобы тоже ненароком что-нибудь не почесать.

– Ты угощаешь меня своим замечательным кофе, а даю тебе во временное пользование свой не менее замечательный спальник. Да ты не кривись, ты

подумай. Спальник отличный, немецкий, прошел со мной огонь и воду.

– Вот это и пугает, что огонь и воду. – Но, если рассуждать трезво, сделка была хорошая. Даже очень! Если спальник окажется грязным, его можно будет попытаться отстирать. Всяко лучше, чем спать на полу. – Сначала покажи! – сказала она.

– Un momento! – Сосед Макс усмехнулся и скрылся за дверью, чтобы через пару минут явиться с внушительного вида свертком. – Демонстрирую!

Сверток в мгновение ока трансформировался в спальник, с виду вполне себе чистый, возможно, даже отмывать не придется. А сосед Макс уже улегся сверху, забросил руки за голову, посмотрел на Алису снизу вверх.

– Берешь?

– Не валяйся на моем спальнике!

– Значит, договорились! – Он встал, шагнул к Алисе, протянул руку. – По рукам?

– По рукам. – Алиса не любила прикосновений, но его ладонь оказалась широкой и горячей – уютной.

– Я тут взял на себя смелость… – Из заднего кармана джинсов он достал шоколадку. Шоколад Алиса любила так же сильно, как и кофе.

Соседа Макса она тоже полюбила. Не сразу и не с бухты-барахты. Им обоим понадобилось время. Ему – меньше, ей – больше. Многим больше. Доверять людям Алиса разучилась еще в одиннадцать, и сейчас приходилось учиться заново.

Макс был айтишником. На момент их первой встречи – молодым, но подающим надежды, а на момент их первой совместно проведенной ночи уже матерым и востребованным. Он мог позволить себе приличную квартиру в центре, но продолжал жить в однушке в спальном районе. Алиса не сразу поняла, что это из-за нее. А когда поняла, все равно не поверила. О ней никогда никто не

заботился. То есть заботились, конечно, но формально, для галочки. Был лишь один человек, но вспоминать о нем было так больно и так стыдно, что Алиса заставила себя забыть. Почти забыть…

Ее собственная карьера тоже шла в гору. Она еще училась на журфаке, но уже писала статьи для крупнейших журналов страны. Так уж вышло. То ли повезло, то ли перо ее оказалось правильной остроты, а поднимаемые темы интересными для широкой общественности. Как бы то ни было, но общественность и начальство к Алисе благоволили, перспективы вырисовывались радужные. А Макс все чаще и чаще стал поговаривать о том, что старость уже не за горами и пора бы начинать вить гнездо или устраивать берлогу. Это уж как Алисе больше понравится.

Ей нравилось и гнездо, и берлога. И перспектива состариться рядом с Максом ей тоже нравилась, но что-то останавливало ее от самого последнего, самого решительного шага. Наверное, страх перед счастьем. Или страх это счастье потерять, если изменить в своей жизни хоть что-то. К примеру, сменить однушку на комфортабельное «гнездо» или не менее комфортабельную «берлогу». Она бы, наверное, рано или поздно решилась, если бы не сны…

…Кричать мешало что-то колючее и пыльное. Да что там кричать – даже дышать выходило через раз. А освободиться от этого колючего и пыльного никак не получалось из-за связанных за спиной рук. Алиса пробовала, но лишь стерла кожу на запястьях в кровь.

Как это с ней случилось, она не знала. Не помнила толком ничего. Помнила лишь, что сбежала с территории, пролезла в дыру в заборе и очутилась на воле. Волю она любила так же сильно, как шоколадные конфеты. А может быть, даже еще сильнее. Оттого, наверное, и сбегала. Убегала недалеко и ненадолго, потому что в свои неполные двенадцать уже отчетливо понимала, что одной на воле ей не выжить, надо немножко подрасти, немножко потерпеть.

Этот детский дом был уже третьим в ее жизни. Третьим и самым мрачным, самым неуютным. Не оттого ли, что был он организован для детей с особенностями?

Про детей с особенностями с придыханием и материнской нежностью в голосе говорила директриса, когда в детдом приезжали проверки или телевидение. В такие дни их всех кормили от пуза, одевали в чистое, малышам выдавали новые игрушки, а для старших даже открывали компьютерный класс. Компьютерным классом директриса особенно гордилась, проверкам и телевидению показывала его в первую очередь. А еще рассказывала, как воспитанникам повезло жить в таком удивительном, пропитанном историей месте. На взгляд Алисы, место это было пропитано лишь сыростью и тоской, но директрисе верили больше, а «детей с особенностями» вообще никогда не спрашивали. Всем казалось, что жить в старинном графском доме, который уже много лет числится в памятниках старины, это в самом деле очень здорово и очень увлекательно. И места вокруг удивительные – тишина, приволье! Сосновый бор подступает к самым стенам, рядом речка, за речкой – дачный поселок. А до ближайшего райцентра всего десять километров. Одним словом, красота!

Места и в самом деле были привольные, и привольем этим Алису к себе манили. Заманили…

Больше всего она любила сидеть у реки. Купаться не пыталась, потому что не умела плавать. Просто сидела, опустив босые ноги в воду, через свернутый в подзорную трубу альбомный лист смотрела на стадо коров, пасущееся на том берегу. Коровы были разноцветные, рыжие, белые, пятнистые. Наблюдать за ними Алисе нравилось, можно было представить, что там, в этом рогатом разноцветье, есть и ее, Алисина, корова. И корову эту она пасет по заданию бабушки. И не беда, что нет у нее ни собственной коровы, ни собственной бабушки. Помечтать ведь можно!

Наверное, Алиса замечталась, потому что не заметила, что на берегу она больше не одна, не почувствовала того, кто встал за ее спиной темной тенью. Встал, больно, до фиолетовых кругов перед глазами стиснул шею, а потом сунул в рот что-то колючее и пыльное. И на голову надел такое же колючее, пахнущее сырой землей и плесенью. Алиса пыталась кричать и брыкаться, но тот, кто явился за ней темной тенью, был сильнее. Ее оторвали от земли, сначала куда-то потащили, потом куда-то повезли. Везли в багажнике вонючей, пахнущей бензином машины. Алиса задыхалась от этой вони, жары и страха и, кажется, окончательно задохнулась, провалилась в спасительную темноту…

– …Очнись, – сказала темнота тихим шепотом. – Эй, ты меня слышишь?

Открывать глаза было страшно, и если бы не надежда, что все случившееся – это лишь сон или чья-то дурная шутка, Алиса бы, пожалуй, так осталась в безопасной темноте.

– Как тебя зовут? – Шепот был настойчивый, не оставлял в покое.

Алиса открыла глаза, но не увидела ничего кроме темноты.

– Не бойся, сейчас глаза привыкнут.

Глаза привыкли, стоило только зажмуриться, а потом поморгать по-совиному, как окружающий мир начал наконец обретать очертания. Мир был замкнут в четырех стенах, подсвечивался мутно-серым светом, просачивающимся сквозь щели в потолке. Но Алису интересовали не стены и не потолок, а голос.

Девочка сидела на дощатом полу, по-турецки скрестив ноги. Даже в скудном свете длинные волосы ее отливали медью, а на носу виднелась россыпь веснушек. Подол нарядного, в рюшах, платья едва прикрывал колени, и девочка то и дело тянула его вниз, разглаживала несуществующие складки.

– Ты кто? – спросила Алиса, разглядывая собственные стертые в кровь, но свободные от пут руки. – Где мы?

– Я Маруся. – Девочка улыбнулась, и в улыбке ее Алисе почудилась жалость. – Мы в погребе под сараем. Теперь это твой дом.

Всю жизнь Алиса мечтала о собственном доме, представляла, каким он будет уютным и светлым…

– Это не мой дом! – Захотелось вдруг вцепиться девочке Марусе в волосы и изо всей силы ударить ее прямо в конопатый нос, чтобы не врала и не пугала. – Это вообще не дом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-korsakova/vremya-skazok

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити